
Александр Андреевич

Скокан*

Я до сих пор с удовольствием вспоминаю наше сотрудничество

Международный Московский Банк и наше бюро — ровесники: обе организации были созданы в 1989 году. Именно тогда мы — шесть молодых архитекторов — образовали товарищество с ограниченной ответственностью. Нам предложили заняться реконструкцией территории исторического центра города: между Кропоткинской (сейчас Пречистенской) набережной Москвы-реки и улицей Остоженка, растянувшейся меж Садовым и Бульварным кольцом.

Это было первой работой коллектива, отсюда возникло и название Бюро. В течение первых лет мы занимались, в основном, проектированием объектов в этом микрорайоне. Остожье — район с богатой историей и множеством памятников архитектуры. Работа началась с серьёзного исторического обследования. И оказалось, что раньше москвичи жили жизнью куда более полной и насыщенной, чем многие из нас представляли. На Остоженке в начале XIX века имелась, к примеру, своя публичная картинная галерея, математическое и хоровое общества, попечительское заведение, ведающее отправкой детей на курорты, а школ, детских садов и торговых точек было в три-четыре раза больше, чем сейчас. Читались законы добрососедства. И если англичанин считал дом своей крепостью, москвич то же самое мог сказать про свой запирающийся на ночь двор, охраняемый суровым дворником. На этой территории располагались сразу два монастыря — Зачатьевский и Старо-Алексеевский, дворянские усадьбы знаменитых московских жителей. Мы понимали: строительство здесь новых зданий и реконструкция старых должны вестись с ювелирной точностью, чтобы ничего не испортить. Нам хотелось, чтобы, приходя на Остоженку, люди попадали в объятия старой Москвы.

Работа над проектом здания Международного Московского Банка началась в 1992 году. И этот заказ стал для нас самым значительным проектом, по сути, «входным билетом» в архитектуру столицы.

В то время на месте, где сейчас стоит банк, был пустырь. А у нас был план, согласно которому на Пречистенской набережной должно было быть построено общественное офисное здание. И поэтому, когда поя-

* Член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), Академик Международной академии архитектуры (IAA), лауреат Государственной премии России, Заслуженный строитель Москвы, член правления СА России, член правления СМА.

Александр Андреевич Скокан

1989 — наст. время
Главный архитектор АБ «Остоженка»

вились три симпатичных человека (Вячеслав Судаков, Юрий Кондратюк и Юрий Тверской), оказавшиеся представителями ММБ, и поинтересовались, нет ли на нашем участке работ места, которое могло бы подойти для банка, мы ответили, что есть.

Сейчас, наверное, всё это кажется смешным: в наше время любой скажет, что так просто в центре Москвы даже клочка земли не получишь. А тогда, в начале 90-х годов, всё решалось достаточно просто. Мы показали этим милым людям свободное место под деловой центр на набережной и предложили: «Почему бы там не построить банк?» После всех согласований с городскими властями они снова появились у нас и объявили о том, что эта земля отныне принадлежит их организации, а первую стадию проекта ММБ готов поручить нашему бюро, что, по-моему, было вполне естественно.

Работа предстояла непростая: здание Международного Московского Банка должно было стать первым зданием коммерческого банка, построенным в новой России. Причём весь накопленный до Октябрьской революции опыт, был безнадежно утерян. Всё, что строилось в советское время — это сберкассы или же какие-то безликие финансовые учреждения. Тогда казалось, что на нас возложена особая миссия: этот проект, как нам верилось, должен был стать воплощением прерванной на 80 лет традиции.

На первых эскизах банк представлял собой эдакое помпезное монументальное здание, отчасти напоминавшее сооружения начала XX века. С небес на землю нас спустил специально выпущенный правлением банка меморандум, в котором руководство призывало вернуться к более современным тенденциям. Тогда коллектив воспринял это как вторжение в наши авторские права. Однако теперь-то я могу сказать, что ничего кроме благодарности за такое возвращение к реальности не испытываю.

Дальнейшая работа пошла уже без каких-либо конфликтов. И поскольку, повторяю, и в России, и у нас тогда не было опыта проектирования банков, в качестве консультантов мы пригласили финских коллег-архитекторов во главе с Юхани Палласмаа (архбюро J. Pallasmaa, Davidson & Lindeberg), с которыми и начали работу над проектом.

Основой нашей идеи стал образ здания-корабля. Однако само по себе название «корабль» появилось гораздо позже, когда строительство было почти закончено. Однажды, выйдя на террасу, откуда открывается прекрасный вид на Москву-реку, у всех вдруг спонтанно возникло ощущение того, что мы — на палубе лайнера. И металлические оттяжки, и нависающая крыша всё это вызвало живые непосредственные ассоциации с водными просторами. Тогда и родилась мысль о том, что наше детище — не просто банк, а именно дом-корабль, который плывёт вдоль реки. Надо сказать, что некоторые ребята поняли эту идею буквально и,

Владислав
Судаков,
Александр
Скокан, Юрий
Тверской и Юрий
Кондратюк.
Ноябрь 1992 года.

когда мы вступили в стадию оформления интерьеров, даже притащили штурвальное колесо, которое хотели установить в холле. Раз, дескать, корабль, то у президента должен быть штурвал, которым он будет рулить и управлять.

Надо сказать, что в процессе строительства не обошлось без казусов. Когда здание было практически готово и мы приступили к оформлению кабинета президента банка и зала правления, которые выходят на террасу, руководство высказало пожелание, чтобы в довольно-таки высоком парапете мы сделали дырку

вроде балкона: мол, когда сидишь в кресле, не видно реки. Но поскольку здание уже было готово, считая, что его облик был уже вполне законченным, мы стали сопротивляться: мол, никак нельзя. Точку в споре поставил один мой умный коллега-архитектор, который объяснил мне: «Знаешь, иногда нужно пойти навстречу заказчику. Потому что это может пойти архитектурному облику даже на пользу».

Как оказалось, он был прав. Мы тогда сделали в парапете такую выемку, через которую открывался вид на Москву-реку, сконструировали стеклянное ограждение, и все в результате вроде бы должны были остаться довольны. Но не тут-то было! Опять пришли энтузиасты из банка и спросили, а нельзя ли такую же штуку сделать с другой стороны, там где зал правления — ведь и там парапет закрывает обзор. И тогда я понял, что мы «попали». Просто иногда люди думают, если что-то изменил один раз и стало лучше, то, если сделать это ещё раз, будет лучше в два раза. Я никак не мог объяснить заказчикам, что один раз — это хорошо, а два — уже не очень.

Во время разговора с В.Б. Судаковым, тогдашним председателем правления банка, вдруг меня осенило. Я посмотрел на его костюм и сказал: «Вячеслав Борисович, вот у вас слева на пиджаке один карман, а в кармане платок. А представьте, что у вас на пиджаке было бы два кармана и два платка». Он тут же ответил: «Я всё понял». Больше этот вопрос никогда не поднимался.

Вообще, надо сказать, что отношения с руководством ММБ у нас сложились дружеские и очень корректные. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю наше сотрудничество.

Здание Международного Московского Банка уже много лет не сходит с уст в спорах о том, какой должна быть современная архитектура. По мнению многих коллег по цеху, оно очень хорошо вписалось в историческую городскую среду. Неспроста в 1997 году здание в результате опроса 42 экспертов, архитекторов и архитектурных функционеров, было признано наиболее интересным произведением на выставке-конкурсе

Закладка капсулы в фундамент здания строящегося здания.
11 ноября 1992 года
Евгений Козлов,
Владислав Судаков, Инесса Карлова,
Александр Скокан

«Московский рейтинг. Лучшее в архитектуре 1987—1997 годов». Кстати, в окончательный список победителей конкурса не вошло ни одно сооружение, финансировавшееся московским правительством, построенное в так называемом московском стиле, активно насаждаемом московскими властями.

А в 1996 году мы получили Государственную премию.*

Этот проект до сих пор ставят в пример в различных дискуссиях: ведь впоследствии в архитектуре Москвы стал преобладать так называемый лужковский стиль, когда в центре города было признано необходимым и единственно правильным строить эклектичные здания, некие поделки под старину. Нам кажется, что наш дом-корабль какой-то своей чистотой, тем, что не выбивается из городского контекста, наглядно демонстрирует иной подход к городскому строительству. Я считаю, что, несмотря на бурные архитектурные споры, здание Международного Московского Банка являет собой яркий образец этого альтернативного подхода, став уже давно лучшим аргументом в любой дискуссии.

* Указом Президента РФ № 779 от 27 мая 1996 года руководителю авторского коллектива Александру Андреевичу Скокану, архитекторам Раису Суфияновичу Байшеву, Аки Давидссону, Валерию Константиновичу Каяншину и Юхани Палласмаа за здание Международного Московского Банка на Пречистенской набережной в Москве присудили Государственную премию Российской Федерации. А. Давидссон и Ю. Палласмаа стали первыми в Финляндии лауреатами этой премии.

По мнению известного историка архитектуры, вице-президента Российской академии архитектуры и строительных наук А.В. Иконникова, здание ММБ вполне можно включить в десятку лучших построек мира за 1995 год. Президент Академии архитектуры и строительных наук А.П. Кудрявцев: «Посмотрите здание Международного Московского Банка на Кропоткинской набережной в Москве. Его возведение в начале 90-х годов обозначило направление, которое можно назвать вписыванием современной архитектуры в городскую среду. Оно стало главенствующим на сегодня в архитектуре России. Это сохранение своеобразия российского города при многообразии языка современной архитектуры». — *Прим. авт.-сост.*